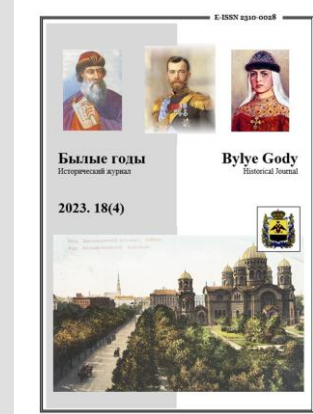

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 2075-2095
DOI: 10.13187/bg.2023.4.2075

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917)

Nursan A. Alimbay ^{a, *}, Anar M. Fazylzhanova ^b, Bolat Q. Smagulov ^a, Kyzdarhan K. Rysbergen ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b Ahmet Baitursynuly Institute of Linguistics Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is investigated the scale and direction of peasant colonization in Kazakhstan, that considered by the authors as the main direction of Stolypin's agrarian policy in the Kazakh region. According to sources, the more organized nature and previously unprecedented scale of peasant colonization of the region at the time under consideration is explained by powerful state support, actively initiated by P.A. Stolypin himself and personally controlled by him at the government level. Even the premature death of P.A. Stolypin, which occurred in 1911, essentially did not prevent the implementation of his plans for the "peasantization" of the ancestral territories of Kazakh cattle breeders until the October events of 1917. It's true, the pace and geography of this process in the post-Stolypin era decreased slightly. Nevertheless, the goal set by the imperial authorities of the mass settlement of peasant families from various regions of the empire on the territory of the Steppe land was practically achieved. The total area of land confiscated from the Kazakhs by 1917 amounted to more than 45 million dessiatines. The authors consider this period of time as the final stage of land colonization of the region.

Keywords: Kazakh region, Stolypin agrarian reform, peasant colonization, state support for colonization, movement of peasants to the Kazakh region, geography of peasant colonization, reverse movement of peasants, ethnic composition of settlers, resistance of Kazakhs to colonization, "toponymic chauvinism".

1. Введение

С точки зрения масштабности, интенсивности и результативности начавшийся со второй половины 90-х гг. XIX в. заключительный этап крестьянской колонизации края состоит из двух взаимообусловленных стадий. Первая охватывает вторую половину 90-х гг. XIX в. – середину 1906 года, то есть до назначения П.А. Столыпина главой российского правительства. Начавшаяся в 1906 г. заключительная стадия завершилась в канун октябрьских событий 1917 г. Данная, рассматриваемая нами как более активная стадия завершающего этапа «крестьянизации» края непосредственно связана с именем главы правительства России П.А. Столыпина. Именно столыпинская аграрная политика и практика дали мощный импульс этому процессу, придав ему более масштабный, организованный и активный, чем прежде, характер. Поэтому всеобщее заселение крестьянами территории Казахстана царским режимом по праву рассматривалось как создание такой сельской инфраструктуры, которая, по замыслу властей, должна была выступить хозяйственно-экономической и социокультурной базой покорения Степи. А сами крестьяне рассматривались в

* Corresponding author

E-mail addresses: burgan555@gmail.com (N.A. Alimbay), nar20@bk.ru (A.M. Fazylzhanova), bolat_alemdar@mail.ru (B.Q. Smagulov), ms.rysbergen@mail.ru (K.K. Rysbergen)

качестве носителей «истинно русского духа» на «туземной» территории, что послужило бы одним из ключевых факторов решения задачи навечного закрепления за империей этого обширного региона. Контекст сказанного хорошо объясняет, почему крестьяне должны были стать едва ли не основной силой реализации русификации местного населения. Русификация же вкупе с ее непосредственным «культурно-антропологическим» продолжением – обрусением казахов – означает окончательное завоевание края. Вместе с тем крестьянская колонизация, с точки зрения правительственных кругов Российской империи, позволяла частично решить и обострившийся в тот момент аграрный вопрос в центральных губерниях империи. Как ярко выразился сам П.А. Столыпин, переселение крестьян на территорию края позволило бы им, «то есть соли земли русской освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий, в которых они в настоящее время находятся» (Столыпин, 2021: 109).

Казахский край с его обширной территорией, богатыми природными ресурсами, географическим положением, позволяющим выходить на аграрные рынки Цинской империи и других стран Центральной Азии, действительно представлял собой ценное приобретение для империи. Поэтому крестьянской колонизации края российской корона придавала исключительное значение, главным образом, как базовому условию одновременно и фактору реализации геополитического проекта «Азиатская Россия». Это объясняет, почему именно в период Столыпинской аграрной реформы правительство решительно перешло к практическому осуществлению крестьянской колонизации национальных окраин, прежде всего Казахского края и Сибири. В этих целях были приняты конкретные организационные и институциональные меры, в особенности соответствующие законодательные акты, послужившие правовой базой и основанием изъятия т.н. «излишков земель» (варианты – «пустопорожние пространства», «впусте лежащие земли» и т.д.)¹. При этом выделялся достаточно большой объем финансовых средств. Все эти меры действительно активно способствовали более организованному переселению, а также равномерному распределению крестьян на всей территории Степного края. Тем не менее огромный приток крестьянских переселенцев в пределы Казахстана, особенно усилившийся к середине 90-х гг. XIX в., наглядно показал неподготовленность имперских властей. Прежде всего, обнаружилось отсутствие необходимого организующего начала в самом процессе крестьянской колонизации. Допущенный властями подобный серьезный просчет вполне мог привести к нежелательным для империи последствиям как политико-экономического, так и геополитического порядка. Осознание этого обстоятельства в высших эшелонах власти, а также в политических и интеллектуальных кругах империи, обусловило необходимость немедленной инструментализации процесса крестьянской колонизации края. Так, в 1896 году появилась Переселенческое управление в составе Министерства внутренних дел – специальный орган, посредством которого имперские власти пытались организованно провести массовое заселение крестьянами земель казахских скотоводов (Переселение..., 1911). Этим же обстоятельством следует объяснить и организацию в 1896–1903 гг. сплошного обследования казахского аула экспедицией под руководством известного ученого-статистика Ф.А. Щербины (Переселение..., 1911, История Казахстана, 2000: 560-562).

2. Материалы и методы

При написании статьи использованы материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в виде отчетов, записок чиновников как правительственного аппарата, так и местных властных структур, а также различного рода делопроизводительных документов, в том числе руководящих инструкций вышестоящих органов, в частности, Переселенческого управления, по составлению развернутых итоговых протокольных актов и т. д. Данная категория источников отражает не только ход и результаты обустройства крестьянских семей на местах, но и позволяет более или менее реально представить содержание и направленность финансовой, налоговой и хозяйственной деятельности властных структур различного уровня по организации крестьянского переселения. Еще одна категория источников представлена трудами исследователей и рядом чиновников. Написанные по горячим следам исторических событий, они дают, с одной стороны, очень ценные сведения о масштабе и динамике изъятия т.н. «излишков земель» у казахских скотоводов, с другой – о процессе заселения крестьянских семей на

¹Понятие «излишки земель», как, впрочем, и его синоним «пустующее пространство» на хозяйственной территории казахских скотоводов, впервые введено в научно-практический оборот участниками экспедиции по фронтальному обследованию казахского аула во главе Ф.А. Щербины в 1896–1903 гг. Термин же «впусте лежащие земли» вполне легально использовался рядом представителей правительства в Государственной думе (Алимбай и др., 2023: 28). Ранее в обиходе в публичных выступлениях и публикациях некоторых российских политиков и исследователей был использован термин «пустопорожние места» (Данилевский, 1991: 39), который, на наш взгляд, послужил своего рода предтечей вышеотмеченных понятий. Эти понятийные конструкции в качестве инструмента активно использовались властями в целях политико-экономического и юридического обоснования необходимости изъятия этих самых «излишних земель» из хозяйственного оборота кочевников в пользу крестьян.

хозяйственных территориях кочевников. Эти материалы вкупе с вышеотмеченными видами официальных документов существенно конкретизируют наши представления о ходе крестьянской колонизации не только на уровне всего края, но и в том или ином региональном разрезе.

При сборе материалов и их научной интерпретации использовался контекстуальный подход, который в зависимости от характера и содержания извлекаемой исторической информации вычленяется на хозяйственно-экономический, политический, идеологический и даже социокультурный «подконтексты». В целях использования эвристического потенциала данного подхода применялся факторный анализ (метод), что позволило показать те условия и факторы, которые оказали непосредственное или опосредованное влияние на процесс массового крестьянского заселения территорий казахских скотоводов в столыпинский период. В частности, речь идет о таких субъективных причинах, как мотивация и действия отдельных политических деятелей, чиновников и т.д. В этом смысле в процессе интерпретации соответствующих исторических известий контекстуальный подход выполнял как бы программирующую, а факторный – реализующую функцию. Применялись также и методы акцентуации и актуализации. Первый из них дал возможность акцентировать внимание на узловых аспектах проблематики, что имеет системообразующее значение в процессе научной реконструкции исторического процесса. Отметим, что метод акцентуации в нашем случае реализовывался посредством актуализации акцентируемых вопросов темы. Используемый же системный подход позволил изучить проблематику с точки зрения причинно-следственных связей составляющих ее аспектов.

3. Обсуждение

Появление первых публикаций по теме относится ко времени прихода к власти П.А. Столыпина в качестве главы правительства России. Он выступал инициатором и главным разработчиком, а также организатором нового курса аграрной политики царизма и в национальных окраинах империи, в том числе в Казахстане. Поскольку лимитированный объем настоящего исследования не позволяет более или менее подробно осуществить историографический разбор первых публикаций, остановимся на наиболее типичных, вышедших, прежде всего, в специальном сборнике под характерным названием «Вопросы колонизации». Издававшийся с 1907 по 1917 годы и состоящий из 20 выпусков (номеров) данный периодический сборник сыграл едва ли не решающее значение в историографии вопроса. Практически в каждом номере освещались актуализированные самим текущим опытом организация переселения крестьян, а также те или иные аспекты аграрной колонизации различных регионов национальных окраин империи. В интересующем аспекте следует выделить статьи Н. Петропавловского, В. Остафьева¹, П. Хворостанского и др. Авторы размышляют над теми вопросами, которыми обозначены, на их взгляд, наиболее животрепещущие проблемы заселения крестьянских семей в различных регионах Степного края, требующие своего безотлагательного решения. Исследователи, особенно П. Хворостанский и В. Остафьев, откровенно выразили свое категорическое несогласие в отношении темпов и масштабов выделения т.н. «излишков земель» на хозяйственных территориях кочевников в пользу крестьянских семей. Их особенно не устраивали методы обустройства вновь прибывших крестьян на местах. П. Хворостанский в своей статье даже выступил с жестким требованием больше заострить внимание на незамедлительном обустройстве всех крестьянских семей на землях «иностранцев» «без оглядки ни на что». Ибо, по мнению автора, горький опыт прошлых лет достаточно красноречиво демонстрирует следующее печальное обстоятельство: из-за безответственного отношения властей всех уровней, например, Акмолинской области, только «...к 1885 году 12 участков [специально выделенных для крестьян] остались незаселенными, а новоселы 10 селений, около 55 % всех поселившихся на участках крестьян, дошли до такого положения, что администрация должна была перевести их на новые участки; часть же семей ушла на родину» (Хворостанский, 1907: 62). В этом П. Хворостанский склонен обвинять, прежде всего, местные власти: они, как с издевкой отмечает автор, «всегда склонялись в пользу аборигена как более податливой и густо обросшей овцы» (Хворостанский, 1907: 62). Эту же позицию отстаивал и В. Остафьев. На его взгляд, в новых условиях следует уделить исключительное внимание активизации колонизационного процесса в Казахстане по принципу «вглубь и вширь», поскольку до начала XX в. сия «колонизация шла очень туго и медленно» (Остафьев, 1895: 7).

Из числа публикаций, вышедших как отдельными выпусками (брошюры, книги и т.д.), так и в виде статей, отметим «Историческую географию России в связи с колонизацией. Курс, читаемый в Московском университете в 1908–1909 гг.» М.К. Любавского. Автор, в отличие от критически настроенных к имперским властям П. Хворостанского и В. Остафьева, выражает свою полную поддержку политики имперских властей в отношении «крестьянизации» края. Ценность приведенных автором цифровых выкладок заключается в том, что их динамический ряд позволяет получить более

¹ Правда, труды первых двух авторов были опубликованы в 90-х гг. XIX в. Тем не менее их содержание во многом превосходит взгляды и позиции различных политических сил и течений в империи по вопросам крестьянской колонизации края и в последующее время. В таком качестве они представляют, главным образом, концептуальный интерес.

или менее полное представление о темпах и масштабах колонизационного процесса в различных регионах Степного края. Сравнительный анализ приводимых М.К. Любавским итогов крестьянской колонизации Сибири и Казахского края к началу XX в. достаточно определенно показывает, что в колонизационных планах имперского правительства Казахстан занимал первое место: если в 1885–1900 гг. только на землях Акмолинской области поселилось 645 тыс. переселенцев из других регионов Российской империи, то, например, в южные округа Тобольской губернии переселилось 146 тыс. крестьян, в южные части Енисейской – 99 тыс., в Амурскую и Приморскую – 18 тыс., в Иркутскую – 3600 человек (Любавский, 1909: 65). Практически аналогичные данные приводятся и в «Хронике переселенческого дела» за 1907 год (Хроника..., 1907: 232). Это означает, что приводимые М.К. Любавским цифровые выкладки хорошо корреспондируются с отмеченными статистическими данными из этой «Хроники...», что сообщает этим данным необходимую репрезентативность.

Несколько особняком стоит позиция Н. Петропавловского, подвергающего жесткой критике власти за попустительство насильственному и массовому изъятию у казахских скотоводов т.н. «излишков земель» в пользу крестьянских семей. Как отмечает автор, «...такое отношение более чем несправедливо. Первый вопрос, который меня заинтересовал, это вопрос о причинах экономического падения киргизского (казахского – *авт.*) хозяйства, которое защитниками кочевого хозяйства и противниками колонизации объяснялось крайним земельным обеднением киргиз (казахов – *авт.*)» (Петропавловский, 2007: 37). Однако Н. Петропавловский подвергает сомнению обоснованность подобного укоренившегося взгляда не только у администрации, но и ряда корреспондентов газет на текущее состояние кочевого скотоводства. «Но правда ли это? Имеется ли у администрации достаточно данных и фактов – утверждать последнее? Исследовано ли кочевое хозяйство? Выработаны ли нормы...» земель для кочевых скотоводов? – вопрошал он. Далее автор с нескрываемой досадой отмечает, что доселе происходившее и поныне продолжающееся массовое насильственное заселение крестьян на хозяйственных территориях кочевников в отсутствие научно выверенных данных в отношении реальной потребности казахских скотоводов в пастбищных и сенокосных угодьях чревато их массовым обнищанием. Такая критическая ситуация, по мнению Н. Петропавловского, является следствием необдуманного и в то же время слишком жесткого отношения властей к местному населению по вопросам землеустроительных и землеотводных работ. Во избежание негативных последствий такого рода стихийного и откровенно насильственного переселения крестьян на общинно-родовые территории кочевников он предлагает, в частности «...детальное изучение степных областей не с тарантаса, а *voie doisaux...*», то есть профессионально. По мнению автора, при этом в первоочередном порядке следует «выяснить ...экономическую норму обеспеченности семьи при кочевом хозяйстве...», «чтобы колонизация степных областей не стесняла кочевого хозяйства» (Петропавловский, 2007: 83). Нетрудно заметить, что отмеченный несколько доброжелательный настрой рассматриваемой статьи как в концептуальном, так и конкретно-историческом аспекте обусловлен либерально ориентированным отношением Н. Петропавловского к местному населению. Подобной позиции придерживались и известные ученые-экономисты П.П. Румянцев (Румянцев, 1910), А.А. Кауфман (Кауфман, 1908: 1-178), а также вышеупомянутый Ф.А. Щербина (Щербина, 1902) и др. К этой либерально настроенной группе исследователей следует отнести А.Н. Седельникова, Т.И. Седельникова, С.Д. Чадова и др. (Седельников и др., 1903, Алимбай и др., 2023: 18-19).

Итак, написанные непосредственными участниками, очевидцами и современниками обсуждаемых исторических событий публикации появились в большей степени как идеологическое и, в не меньшей степени, историографическое обоснование необходимости крестьянской колонизации края. Этим и определяется публицистический характер этой категории изданий тех лет. Поэтому публикации рассматриваемого периода с их фактофиксирующим характером имеют не только историографическое, но и источниковедческое значение (Алимбай и др., 2023: 9-10).

Проблемы крестьянской колонизации края в тех или иных аспектах изучались и в советское время. Однако сложившаяся в советское время историографическая традиция, находившаяся под мощным идеологическим и политическим прессингом системы, была не в состоянии объективно оценить геополитически мотивированные причины и пагубные следствия массовой «крестьянизации» края для казахских скотоводов. Наиболее характерно в этом отношении следующее утверждение авторов «Истории Казахской ССР» (1949), выдержавшей несколько изданий с небольшими уточнениями и изменениями: «...изъятие земель коснулось лишь бедных слоев казахского общества, а что касается «баев, мулл и других господствующих слоев», то «царизм охранял их интересы, и они получили во владение обширные земли» (Казах ССР тарихы..., 1949: 449). Данная формулировка с ее ярко выраженной приверженностью духу и букве т.н. «пролетарского интернационализма» хорошо объясняет, почему исследователи тех лет, несмотря на явные факты насильственных действий царского режима в отношении казахских скотоводов, в конечном счете даже выразили солидарность с общей направленностью крестьянской колонизации края. В духе этой идеологически мотивированной позиции утверждалось, что «запас свободных земель (в Казахстане. – *авт.*) имелся». Поэтому-де освоение этих самых земель переселенцами «могло иметь известное положительное значение как для колонизируемых районов, так и для России» (История Казахской

ССР..., 1949: 432). Представители партийно-советских властей опасались демонстрировать негативные последствия насильственной направленности массового крестьянского заселения на казахских территориях. Поэтому они всячески старались исключить эти страницы из истории «переселенческого освоения» «запаса свободных земель» в Казахстане.

Тем не менее некоторые историки не могли игнорировать тот очевидный факт, что «из 242 млн десятин казахской земли в пользу переселенцев было насильственно отобрано («тартып алынды») 40 млн десятин...» (*Казах ССР тарихы..., 1949: 448*)¹. Поэтому они вынуждены были признаться и в том, что действия имперских властей по изъятию т.н. «пустующих земель» на хозяйственных территориях казахских скотоводов в пользу переселенцев следует квалифицировать как «грабительскую переселенческую политику» (*История Казахской ССР..., 1949: 429, Казах ССР тарихы..., 1949: 448*). Вероятно, в целях «восполнения» этой и подобных издержек в науке ряд критически настроенных историков подверг резкой критике Столыпинскую аграрную политику в крае, охарактеризовав ее как репрессивную. Появилось даже отдельное небольшое исследование Г. Барандова под характерным названием «Столыпинская реакция» (*Barandov, 1940*). Как утверждалось автором, «правительственные чиновники не нашли ничего лучшего, как выделить переселенцам земли местного населения. Правительство Столыпина в этом случае руководствовалось националистической политикой «русификации» окраин». Вследствие этого «...пострадали сотни тысяч кочевников... положение народов на местах заселения также ухудшилось» (*Barandov, 1940: 27*). Между тем, по данным этого же автора, именно со времени прихода в руководство правительством П.А. Столыпина участились и различные формы протеста со стороны местного населения. В ответ на такие нежелательные для режима эксцессы «...репрессии резко усилились. Царские каратели и тюремщики безостановочно делали свою кровавую работу» (*Barandov, 1940: 4*).

В новых академических изданиях, вышедших в 1979 и 2000 гг., описывается динамика процесса крестьянской колонизации края в том или ином региональном (областном) разрезе в период с последней трети XIX в. до октябрьской революции 1917 года (*История Казахской ССР..., 1979: 258, 405; История Казахстана..., 2000: 595*). Опируемый авторами этих изданий динамический ряд цифровых данных, даже в своих неполных показателях, хорошо демонстрирует, что резкий рост изъятий находившихся в хозяйственном обороте «излишков земель» у казахских скотоводов произошел именно в период Столыпинской аграрной реформы. Однако между этими изданиями в части итоговой величины изъятых властями «излишков земель» имеется и разница: если рядом исследователей 50-х – первой половины 70-х гг. XX в., в том числе и авторами обобщающего труда 1979 г., утверждалось, что насильственно отобранных у казахских скотоводов общая площадь земель доходила до 40 млн десятин (*История Казахской ССР..., 1979: 258, 405*), то теперь, по уточненным авторами второго издания данного труда, этот показатель достигал более 45 млн десятин (*История Казахстана..., 2000: 599*), что составляет 1/5 часть общей территории Казахстана.

Большой вклад в изучение вопроса, несомненно, внесли ведущие ученые-аграрники советского Казахстана Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин и П.Г. Галузо – авторы фундаментальных монографий, не потерявших своей значимости и поныне (*Сулейменов, 1963, Галузо, 1965, Сулейменов, Басин, 1981*). Эти исследователи впервые ввели в научный оборот систематизированные цифровые данные. Правда, как в хронологическом и территориально-пространственном отношении, так и с точки зрения предметно-целевой направленности рамки их исследований ограничены. Если труды Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина хронологически завершаются началом XX в., то монография П.Г. Галузо больше нацелена на изучение демографических ситуаций, сложившихся вследствие наплыва крестьян, в данном случае южной и юго-восточной части Казахстана. Вследствие этого ученый проблему крестьянской колонизации рассматривает через призму исторической демографии (*Сулейменов, 1963, Галузо, 1965, Сулейменов, Басин, 1981*).

Традиция изучения крестьянской колонизации края предшествующих лет продолжается и в настоящее время, как утверждает исследователями постсоветского периода, уже в условиях отсутствия засилья «единственно верного учения». Рядом вопросов крестьянской колонизации края интересуются преимущественно российские исследователи (*Сафронов, 2011, Суворова 2017, Сысоева, 2009, Тарасова, 2013, Татарникова, Чуркин, 2020, Токмурзаев, 2015, Токмурзаев, 2017, Токмурзаев, 2019* и др.). Для характеристики сущности и направленности «крестьянизации» края авторы оперируют терминами «колонизация», «колониализм» и т.д. (*Ремнев, Суворова, 2010* и др.), пытаются обосновать закономерный характер и неизбежность процесса имперского присвоения территорий

¹ Однако репрезентативность показателя общей площади территории Казахского края в канун октябрьской революции 1917 г. в 242 млн десятин вызывает сомнение. По данным же непосредственно занимавшегося руководством вопросами крестьянской колонизации национальных окраин империи, в особенности Казахстана, князя Б.А. Васильчикова вышеотмеченный показатель только в 1907 г. составлял 245 млн десятин земли (*Речь главноуправляющего..., 1907: 423, 424, Алимбай и др., 2023: 24*). Учитывая, что процесс изъятия у казахских скотоводов т.н. «излишков земель» продолжался и в дальнейшем – вплоть до 1917 г., отметим, что данный вопрос нуждается в специальном исследовании.

национальных окраин. В русле этой позиции ряд авторов признает существование в российском имперском общественно-политическом дискурсе идей т.н. «морального превосходства» русских, как пишут А.И. Татарникова и М.К. Чуркин, над «субалтернами», то есть покоренными народами (Татарникова, Чуркин, 2020: 7). Более открыто высказывает свою точку зрения Д.В. Кузнецов, который, признавая жесткость политики имперских властей в отношении казахов (в частности, выселение их с лучших земель на худшие и т.д.), тем не менее отмечает неизбежность подобного рода подхода со стороны царского режима, поскольку властям в системе неравных взаимоотношений метрополии и колонии так или иначе приходится руководствоваться «практической целесообразностью и государственной пользой, а не соображениями абстрактно понимаемого гуманизма» (Кузнецов, 2017: 159). Однако исследуемый нами вопрос российскими учеными пока что рассматривается лишь в рамках исторического сибиреведения, безусловно имеющего богатую научную традицию. Вероятно, этим обстоятельством следует объяснить не совсем удовлетворительный уровень источниковой базы, в частности цифровых данных в исследованиях российских ученых, призванных характеризовать имперскую политику и идеологию массовой «крестьянизации» края в ее конкретном проявлении.

Что касается имеющих к настоящему времени историографических работ (Абселемов, 2019; 2020; Чуркин, 2016; Чуркин, Абселемов, 2020), то в них степень изученности рассматриваемого нами вопроса исследуется лишь как привходящий аспект общей историографии крестьянской колонизации сибирских регионов. К истории изучения этого вопроса в дореволюционной российской историографии обращались и авторы настоящей статьи, однако только лишь в рамках предметного диапазона своих исследований (Алимбай, Орынбаева, 2019: 337-347, Алимбай, Смагулов, 2020: 2767-2769).

4. Результаты

8 июля 1906 года вышел указ императора Николая I о роспуске I Государственной думы. В тот же день ушло в отставку и правительство во главе с И.Л. Горемыкиным. Как уже отмечалось выше, было сформировано новое правительство, во главе которого встал П.А. Столыпин (Barandov, 1940: 4). 6 марта 1907 года П.А. Столыпин выступил во II Думе в качестве председателя Совета министров с программным заявлением по основным направлениям правительственной политики. В нем глава правительства особо заострил внимание на необходимости «устройства быта крестьян», в первую очередь, путем «предоставления крестьянам земель государственных» (Столыпин, 2021: 62, 63). Как бы конкретизируя этот вопрос, в своем очередном выступлении в Думе 10 мая этого же года он заявил о невозможности решить аграрный вопрос путем ликвидации помещичьего землевладения в европейских губерниях империи, поскольку это означало бы, по словам П.А. Столыпина, «уничтожение очагов культуры» и появление «класса разоренных землевладельцев» (Столыпин, 2021: 112). Поэтому выходом из этого положения им виделось переселение крестьян на окраины империи (Столыпин, 2021: 109).

Государственная поддержка крестьянской колонизации. Процесс «крестьянизации» края стимулировался специальными правительственными мерами. Так, крестьянам, желающим переселиться в Степной край, рекомендовалось направлять ходока для осмотра и выбора земельного участка для постоянного поселения, то есть перед переселением крестьянские семьи могли предварительно направлять ходока для осмотра и оценки предоставляемого колонизационного участка. В этой связи представителям имперских властей на местах (мировым посредникам, комиссарам по крестьянским делам и др.) вменялось в обязанность оказывать ходокам всяческое содействие, в частности, выдавать им т.н. ходоческие свидетельства на льготный проезд по переселенческому тарифу. После выбора ходоком земельного участка земский начальник должен был выдать на всю семью ходока документ под названием «проходное», по которому он со своей семьей мог переселиться в избранную местность (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 23. Л. 61).

Такая поддержка активно способствовала тому, что переселившиеся семьи пользовались рядом льгот на новом месте, а именно переездом по железным дорогам до места назначения по особому переселенческому тарифу; освобождением от казенных платежей и земских денежных сборов в течение пяти лет, а в последующие шесть лет указанные платежи и сборы оплачивались в половинном размере; отсрочкой от отбывания воинской повинности на три года в случае, если на момент поселения на новом месте переселенец достиг 18 лет; освобождением от выплат задолженностей по казенным недоимкам и в общий продовольственный капитал; предоставлением ссуд на хозяйственные нужды в размере до 165 руб.; отсутствием необходимости испрашивать «для выхода из состава своих обществ увольнительных приговоров» по месту прежнего проживания (Переселение..., 1906: 56-57). При этом переселенцам государство выделяло ссуды «на хозяйственное устройство, на общепользные надобности, выдачу хлеба на продовольствие и обсеменение полей, бесплатную выдачу лесорубных билетов и постройку жилищ и оказание врачебной помощи» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15). К примеру, только в период с 1906 по 1911 гг. переселенцам было выдано ссуд более чем на 7 млн руб. (см.: Таблица 1):

Таблица 1. Размеры ссуд, выделенных переселенцам государством в 1906–1911 гг.

Годы	Сумма выданных ссуд
1906	483485 руб. 63 коп.
1907	1015789 руб. 69 коп.
1908	1171539 руб. 35 коп.
1909	1967942 руб. 45 коп.
1910	1430900 руб. 16 коп.

Источник: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15

Вместе с тем из приведенных в таблице динамических рядов цифровых выкладок по годам нетрудно заметить значительное снижение объема выдаваемых ссуд переселенцам в 1910 г., что объясняется ослаблением интенсивности колонизационного потока в Степной край в это время (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15).

Власти придавали огромное значение и организации агитационно-рекламной кампании. В этой связи за счет выделенных Переселенческому управлению финансовых средств в центральных русских губерниях издавались специальные брошюры, плакаты, листовки, справочники и др. В частности, было организовано предоставление информации ходакам и потенциальным переселенцам относительно географического расположения района заселения с подробным описанием природных условий и ландшафтных характеристик, а также водных и кормовых ресурсов местностей (Шевченко, 2017: 165).

Однако, несмотря на принятые усилия, властям удалось осуществить не все задуманные планы. Например, к концу 1906 года выяснилось, что переселенцы не всегда обеспечиваются достаточным объемом площадей для заселения и ведения хозяйства. Это обстоятельство вынудило правительство принять решение запретить усиливающуюся тенденцию процесса т.н. «индивидуального ходачества» в национальные окраины и регионы, а также выдачу проходных свидетельств до положительного решения вопроса как в организационном, так и в практическом плане. Впоследствии на уровне Главного управления землеустройства и земледелия были приняты решительные меры по стимулированию переселений крестьян. Дело в том, что прежние попытки властей заранее определить заселяемые участки переселенцам на деле оказались неудачными, поскольку прибывшие крестьяне практически не обеспечивались земельными наделами. Это вызывало со стороны переселенцев-крестьян бурные негодования. А самое главное, практически оказались под угрозой срыва планы властей активизировать аграрную колонизацию на местах. Поэтому ими было принято новое решение, согласно которому изымаемые земли, разумеется, прежде всего за счет пастбищных и сенокосных угодий казахских скотоводов теперь считались «условно» заселенными даже все еще неприбывшими переселенцами (Сысоева, 2009: 42). Это означает, что местные власти, оказавшись в тупиковой ситуации, фактически пошли на подлог.

С этого же года проводились специальные совещания под председательством заместителя¹ Главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Б.Е. Иваницкого, в которых принимали участие представители и Министерства путей сообщения. На совещаниях рассматривались первоочередные мероприятия по улучшению перевозки переселенцев. В итоге были введены особые переселенческие поезда, выработаны правила и инструкции для наиболее успешного обслуживания передвижения по путям следования переселенческих и ходаческих партий, также были установлены особые облегченные тарифные ставки для перевозки переселенцев по водным путям Сибири и Дальнего Востока (Переселение..., 1911: 4-5). В Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области, куда направлялось большое количество крестьян, именуемых казахами *қарашекпен* (букв. «люди, одетые в черные халаты») или *келімсек* («пришлые люди», «чужеродный человек»), функционировало два переселенческих пункта, принимавших переселенцев, к примеру, с инфекционными заболеваниями. Однако эти пункты обслуживали и Семипалатинскую, и Тургайскую, и Семиреченскую области, а также Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 7-8). Следует сказать, что функции этих и тому подобных пунктов не ограничивались только лишь оказанием первичной медицинской помощи, но и выполняли функцию адаптации вновь прибывших переселенцев, прежде всего, к местным климатическим условиям.

В связи с усилением потока крестьянских мигрантов на колонизируемые территории в 1908 году Главное управление землеустройства и земледелия вынуждено было ввести очередность отправки переселенцев. Было установлено пять очередей, причем первостепенно (с 10 по 25 марта) для четырех степных казахских регионов (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области), а также некоторых территорий Западной и Восточной Сибири. Пятая же очередь (16 мая – 20 июня) предназначалась для тех крестьян, которые по каким-то причинам не смогли воспользоваться такой возможностью. Необходимо отметить, что указанные очереди предназначались только для т.н. «законных переселенцев» – крестьян, имеющих право льготного проезда. Поэтому переселенцы,

¹ В источниках значится как «товарищ» (Переселение..., 1911: 4-5).

прибывавшие в самовольном порядке, не имели права пользования льготными тарифами при перевозке (Сафронов, 2011: 310).

Движение крестьян в пределы Казахского края. Меры имперских властей по стимулированию переселения крестьян на территорию Степного края дали свои результаты. Только в течение 1906–1910 годов число переселенцев и ходоков в край вдвое превысило показатели 1896–1905 годов (см.: Таблица 2):

Таблица 2. Число переселенцев и ходоков в Степной край 1896–1910 гг.

в 1896–1905 гг.		
I.	в четыре Сибирские губернии	913.091 д.об.п. или 71 %
II.	в Степной край	294.297 д.об.п. или 23 %
III.	в области Дальнего Востока	72.521 д.об.п. или 6 %
ВСЕГО		1.279.909 д.об.п.
в 1906–1910 гг.		
I.	в четыре Сибирские губернии	1485143 д.об.п. или 59 %
II.	в Степной край	770211 д.об.п. или 31 %
III.	в области Дальнего Востока	260721 д.об.п. или 10 %
ВСЕГО		2.516.075 д.об.п.

Источник: Переселение..., 1911: 5

Из этих цифровых выкладок выделим те показатели, которые имеют непосредственное отношение к Степному краю. Эти цифры достаточно репрезентативно демонстрируют динамику роста численности участников переселенческого движения, которая составляет с 294297 до 770211 чел., в процентном же выражении – с 23 % до 31 % в период, соответственно, с 1896 по 1905 и с 1906 по 1910 гг. По словам служащих Переселенческого управления, подобное увеличение количества переселенцев и ходоков как во временном, так и в региональном разрезе «оказалось возможным обратить под переселение крестьян значительные излишки годных для земледельческой культуры государственных земель, числившихся в пользовании кочевников» (Переселение..., 1911: 6). При этом следует сказать, что эти т.н. «излишки» земель у местных скотоводов устанавливались в результате повторных обследований казахских хозяйств (Переселение..., 1911: 6). Любопытно, что сами крестьяне не всегда соглашались принять выделенные для них земельные участки, считая их малопригодными для ведения хозяйства. Так, например, в одном из архивных документов говорится следующее, что является характерным для многих регионов края: «Явившиеся сего числа (24 октября 1908 года. – авт.) на Петропавловский переселенческий пункт переселенцы – ходоки Воронежской губернии, Павловского уезда, Клеповской волости Федор Макаров, Алексей Лонов (? – авт.), Иван Юрьев, Илья Рошупкин, Яков и Василий Колесниковы, прибывшие в Акмолинскую область по свидетельствам Павловской уездной землеустроительной комиссии... заявили, что назначенный им для осмотра участок в 3-м подрайоне Кокчетавского уезда по осмотре оказался непригодным, а потому от зачисления за ними долей на нем они отказались» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1. Л. 25).

Во избежание нежелательных для властей подобных эксцессов переселенцам в первоочередном порядке выделялись самые плодородные земли с достаточными водными ресурсами и коммуникативными возможностями. Для выделения переселенческих участков существовали особые переселенческие партии, состоявшие из «производителей работ и межевых чинов». Производитель работ составлял проект переселенческого участка. Затем вызывали представителя каждого аула в районе этого участка. И в присутствии волостного управителя и аульного старшины «производитель работ обязывался, не ограничиваясь выслушиванием заявлений этих лиц, принять все меры к тому, чтобы выяснить действительные их нужды и размеры того ущерба, который причинил бы им выдел». После этого составлялся протокол, в котором излагались претензии как принятые, так и отвергнутые производителем работ. Копия протокола передавалась крестьянскому начальнику как якобы «защитнику интересов киргизского (казахского. – авт.) населения». Затем протокол вносили на обсуждение комиссии, состоявшей из заведующего партией, производителей работ, переселенческого чиновника, крестьянского начальника, податного инспектора и уездного начальника. По завершении этой процедуры утверждался общепринятый проект специальной комиссией. Согласно данному документу переселенческий участок ограничивался межевыми знаками, после чего поступал под заселение (Переселение..., 1906: 19–20). При этом волостные управители обязывались строго следить «за выполнением аульными старшинами [положения проекта], в районе которых производятся работы, возлагаемых на них обязанностей по доставке чинам партии юрт и продуктов питания (за плату по средним ценам), по доставке знающих местность проводников и найму рабочих» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9000. ЛЛ. 65–65об.).

Необходимо отметить, что значительная часть крестьян не проявляла никакого желания связываться с соблюдением формальностей при направлении ходоков. Поэтому крестьяне часто переселялись и без разрешения местных властей. Так, в 1908–1909 годах около половины

переселенцев расселялись самостоятельно, а в последующие годы этот показатель составлял от 56,8 до 69 % (Шевченко, 2017: 166). То есть данный негативный показатель имел тенденцию к росту. Тем не менее, как указывали представители колониальных властей, в любом случае самовольные переселенцы «должны пользоваться всеми льготами, которые предоставлены по закону крестьянам, переселившимся с соблюдением установленных правил, за исключением льгот по воинской повинности» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 15). Как отмечается в источниках, «разница между самовольными переселенцами и лицами, переселившимися с надлежащего разрешения, состоит лишь в том, что первые не могут пользоваться сложением недоимок в казенных оборотах и в общий по империи продовольственный капитал, а также льготным проездом по железным дорогам и правом на получение при своем следовании путевых ссуд» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 15).

География крестьянской колонизации. Переселение крестьян и занятие ими лучших земель в первую очередь ощутили на себе области Степного генерал-губернаторства, в котором особо выделялась Акмолинская область. По данным на 1906 год в этом регионе насчитывалось около 830 тыс. чел., из которых 453 тыс. составляли казахи. Оседлого населения было 377 тыс. чел., в том числе крестьян-переселенцев около 170 тыс., но, как отмечали современники, «число их с каждым годом увеличивается: русское заселение идет быстро, и область занимается все новыми и новыми переселенцами, а казаков – 110 тыс. чел.» (Переселение..., 1906: 6-7). Приведенные данные красноречиво показывают постепенное изменение удельного веса крестьянских масс в составе разных социальных групп русского населения. По своей численности они, как свидетельствовали чиновники Переселенческого управления, даже превзошли «первых колонизаторов киргизской (казахской. – авт.) степи – казаков», которые ранее являлись доминирующей частью среди русских (Переселение..., 1906: 6-7).

Итак, с 1897 по 1916 годы в степные области Казахского края переселилось 1,14 млн чел. Менее интенсивным было переселение в Туркестанский край, где основной поток переселенцев был направлен на заселение юго-восточной части Казахстана (Жетысу), поскольку Сырдарьинская область характеризовалась недостатком пригодных для хозяйства земель. Тем не менее огромный поток переселенцев привел к непоправимым земельным потерям для казахского населения, причем были утрачены самые плодородные части территории на севере, востоке и юго-востоке. Прежде они находились в активном хозяйственном пользовании. Только в промежутке с 1906 по 1915 г. было изъято 28,9 млн десятин земли (Аврех, 1991: 89). И это без учета земельных изъятий, осуществленных до начала массовой аграрной колонизации. Напомним, в это время в Степном крае у казахов было отобрано около 14 млн десятин земли, что составляло 8,2 % от всей площади Казахстана. В целом же до начала I мировой войны казахи лишились более 40 млн десятин (20 % от всей площади степных областей) (Масанов и др., 2001: 245). Даже начавшаяся I мировая война практически не стала препятствием на пути глубоко зашедшего в это время процесса колонизации казахской земли. Так, например, только в Семиреченской области (Жетысу) изъятия лучших пастбищных и пахотных угодий составили 1,8 млн десятин. К середине 1916 года общая площадь насильно экспроприированных территорий в Казахском крае достигла внушительных размеров, составив 45 млн десятин, причем, как уже отмечалось, самых плодородных земель с богатыми водными ресурсами (История Казахстана..., 1993: 273). Это сравнимо с площадью территории каждого из таких крупных европейских государств, как Швеция, Испания или Франция. И, как следствие, буквально в течение 15-20 лет резко снизился и их удельный вес в общей численности населения края: если в 1897 г. этот показатель составлял 81,7 %, то в 1917 г. – всего 59,8 % (История Казахстана..., 2000: 567). Одновременно возрос удельный вес русских и в демографической структуре населения Казахстана, составив в 1897 году 11,4 %, а в 1917 г. уже 18,4 % (История Казахстана..., 2000: 570). Однако в историографии на сей счет существуют и другие сведения: по данным С.И. Кузнецовой, этот показатель только в 1914 году достиг 29,6 % (Кузнецова, 2001: 115-116).

Ареал исхода и этнический состав переселенцев. В процессе аграрной колонизации Степного края участвовали выходцы из самых разных губерний Российской империи. Так, в Акмолинском колонизационном районе, по данным на 1911 год, было зачислено 40330 душевых долей. Распределение их по губерниям позволяет выделить те основные регионы, из которых направлялись колонизационные потоки на казахскую территорию. Например, 5742 душевые доли (или 14,2 %) приходились на сопредельные со Степным краем регионы Нижнего и Среднего Поволжья (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская губернии) и Южного Урала (Уфимская, Оренбургская). Значительную часть переселенцев составляли выходцы из населенных украинцами территорий. В частности, за крестьянами из Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Подольской, Волынской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний было закреплено 25399 душевых долей (62,9%) (Расчитано по: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2.3. ЛЛ. 10 об., 11, 110б.)¹. В данном контексте представляет интерес следующий факт: в «Журнале Общего

¹ Хотя украинцы по численности преобладали в составе населения указанных губерний, тем не менее не все переселенцы из них являлись представителями данного этноса. То же самое следует сказать в отношении переселенцев-украинцев из Курской губернии и равнинных районов Северного Кавказа, в

присутствия Акмолинского областного правления по переселенческому делу» от 10 марта 1916 года упоминается Украинская волость Омского уезда с такими селениями, как Орловское, Ореховское, Степановское, Белостокское, Новоекатериносское, Одесское, Павлоградское и Полтавское (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). По всей видимости, эта же Украинская волость упомянута в списке земских волостей, утвержденных Омским уездным Земским собранием в ноябре 1918 года (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 224). Любопытно, что гораздо меньшее число переселенцев направлялось из собственно центральных русских губерний (Калужской, Владимирской и др.). В то же время в общем колонизационном движении в Степной край незначительное участие приняли жители Лифляндской и Эстляндской губерний (латыши и эстонцы), а также белорусских и польских земель (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. 11, 110б.). В Казахстан была переселена и часть немецкой диаспоры Российской империи. Так, например, в архивных материалах упоминаются 25 семей переселенцев-крестьян немецкого происхождения из Таврической губернии, расселенных 23 июля 1908 года на участке Телю-Агач (Телагаш – авт.) Константиновской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 23. Лл. 8, 15, 16).

В контексте сказанного заслуживает особого внимания годовой отчет за 1911 год, в котором отмечалось, что «...за последние три года устройство немцев значительно сократилось в количественном отношении и отодвинуто на юг области (Акмолинской. – авт.), где участки по удаленности своей от заселенных центров и трудности ведения на них сельского хозяйства не разбираются не только ходоками, но даже и временно проживающими... [поэтому] в отчетном году было предложено немцам четыре участка в Атбасарском уезде, которые остались не зачисленными» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

Обратный исход переселенцев. Тем не менее часть переселенцев (около 15% от общего их числа в 1896–1910 гг.) по различным причинам, главным образом из-за непривычных и сложных для них климатических и ландшафтных условий, а также бытовой неустроенности, не смогла прижиться в Степном крае. В официальном отчете о переселенческом движении за 1911 год среди причин такой ситуации назывались «материальная необеспеченность переселенцев, неподходящие естественно-исторические условия избранной для поселения местности, неимение разрешения на получение участка и неурожаи» (Шевченко, 2017: 166, Переселение, 1911: 7-8). Действительно, хотя поначалу государству удавалось полностью оплачивать переселенцам переезд в Казахский край, в последующие годы, ввиду финансовых трудностей, стоимость этого самого переезда стала возмещаться лишь частично. Вследствие этого выделяемая переселенцам ссуда составляла всего лишь 150 руб. При этом зачастую эта сумма оказывалась совершенно недостаточной для обустройства вновь прибывших крестьян на новом месте. Поэтому эта категория переселенцев вынуждена была вернуться обратно преимущественно в те регионы, откуда она прибыла. Так, в 1896–1905 годах из края вернулось 51725 чел., а в 1906–1910 годах – 107364 чел. (Шевченко, 2017: 166, Переселение..., 1911: 7-8). В этом отношении достаточно красноречивы выводы агрономического отдела Акмолинского переселенческого района, проводившего в 1913 году обследование 23 заселенных переселенческих участков: в ряде случаев переселенцы не вполне были удовлетворены местными условиями. В частности, отмечалось, что «... с переселением русских в область (Акмолинскую. – авт.) большой волной и эти земли были включены в фонд для переселения... [и] ...по большей части начались жалобы на неудовлетворительность этих почв в смысле их сельскохозяйственной пригодности» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20 в. Л. 147). Далее с горечью говорилось, что «неблагополучие всех новых поселков лежит не в почвенных и климатических, а в экономических условиях; бедность новоселов, отсутствие поблизости торговых центров, отдаленность от путей сообщения... и, как следствие, общая малоразвитость экономической и промышленной жизни района... суть причины бедствия новоселов. Поселки эти находятся в северо-западной части Атбасарского и юго-западной части Петропавловского уездов... До ближайшего торгового центра расстояние в верстах будет: до Кустаная – 120–250 верст, до Атбасара 250–350 верст, до Кокчетавы 300–320 верст» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20 в. Лл. 154-155).

Все эти отрицательные для переселенческого движения деструктивные факторы привели к росту обратного исхода крестьян на историческую родину. Так, например, общее число выбывших из Акмолинской области переселенцев и ходоков только в 1911 году составило 24123 чел. (2789 семей) (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 40б.). Динамику обратного исхода переселенцев и ходоков из Акмолинской области на историческую родину в период проведения Столыпинской аграрной реформы достаточно репрезентативно отражают следующие табличные показатели (см.: Таблицу 3):

которых доля украинцев составляла значительную часть населения (например, в составе населения Курской губернии численность украинцев практически достигала четверти). Отметим, что для выходцев из Курской губернии, Кубанской области и Ставрополя было выделено в совокупности 1471 «душевая земельная доля» (Рассчитано по: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Лл. 100б., 11, 110б.). В то же время приведенные данные достаточно определенно показывают значительный удельный вес украинцев в общем потоке переселенцев в Казахский край из Российской империи.

Таблица 3. Число крестьян-возвращенцев из Акмолинской области Степного края в 1906–1911 гг.

Год	В область	Из области	% к общему движению по областям
1906	61771	7499	12,1
1907	76419	12304	16,1
1908	140350	17847	12,7
1909	107868	23406	21,7
1910	56945	27702	28,7
1911	26806	24123	90

Источник: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 40б.

При этом в указанный период отмечается некоторое ослабление численности переселенческого потока в различные регионы Казахстана. Подобную тенденцию к уменьшению данного процесса следует объяснить следующими двумя взаимосвязанными факторами: с одной стороны, значительным влиянием высоких урожаев в центральных губерниях империи 1909–1910 гг., с другой – неурожаем в конце первого десятилетия XX века в некоторых северных регионах Казахского края. К примеру, в Акмолинской области именно в этот период отмечен недород хлебов, причем особенно неблагоприятным оказался 1911 год, о чем свидетельствуют следующие строки «Годового отчета по движению переселенцев за 1911 год»: «...оставалась масса неустроенных переселенцев, т. н. «неприписных», в категорию которых главным образом попадали самовольно переселившиеся...» и «...многие из них уходили на родину, составляя преобладающий элемент в группе обратных переселенцев» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 4). Возвращение части «самовольно переселившихся» обратно в места прежнего проживания вело к тому, что они «увлекали за собой и часть приписного населения из числа неокрепших. На родине обратные переселенцы своей неудачей понижали общий интерес к переселению в Сибирь» [3, л. 4].

Протесты казахского населения. Расселение крестьян на землях Степного края вызвало массовые протесты и в ряде случаев активное сопротивление коренного населения. Такие выступления приобретали самые различные формы. Приведем следующие типичные для всех колонизируемых регионов края протесты казахов. Так, например, крестьянский начальник 1-го участка Актюбинского уезда Тургайской области в своем донесении от 13 мая 1906 года Тургайскому военному губернатору сообщал о том, что в Каракобдинской волости «киргизы (казахи. – авт.) отказались допустить к работам его (помощника производителя работ по отводу переселенческих участков. – авт.) и двух топографов...» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 7), а в письме от 17 мая 1906 года он же писал о том, что, по заявлениям казахов, они «...не будут давать им (чиновникам переселенческих партий. – авт.) за плату лошадей, рабочих, баранов и кибиток...» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 18). 1 июля 1906 года из 2-й Буртинской волости производитель работ Тургайской временной партии сообщал следующее: «...кибитка поставлена для меня не была, не было в ауле при моем приезде ни аульного старшины, ни кандидата на эту должность, их я прождал (8 часов) до 9 ч вечера... на мое требование отвести мне за плату квартиру (кибитку) аульный старшина и бывший с ним волостной управитель ответили сначала отказом... потом распорядились отвести непригодную для жилья кибитку (от ветра могла развалиться, а от дождя не защищать)... а часа в 2 дня «моя» кибитка была злонамеренно разобрана и я, оставшись под открытым небом (погода была ненастная), вынужден был поехать в г. Оренбург» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 41-410б.). И такой своего рода саботаж не был единичным случаем. Иногда протесты носили достаточно острый характер. Так, заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе в письме Тургайскому военному губернатору от 25 мая 1906 года информировал последнего о том, что в Илекской волости «громкая толпа киргиз (казахов. – авт.) насильно разобрала мою кибитку, прогнала русских рабочих, лишила возможности продолжать работу» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 10). В другом письме от 13 июля 1906 года сообщалось, что в во 2-й Буртинской волости «киргизы (казахи. – авт.) рабочих бьют, они отказались работать, знаки снимают, продолжить невозможно» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 40). В некоторых случаях протесты перерастали в откровенно насильственные действия. Так, в конце июня 1906 года около 200 казахов Каратугайской волости совершили открытое нападение на поселок Удачный и, как сообщалось, «угнали скота 280 голов, произошла сильная драка. Киргизы (казахи. – авт.) поселок окружили, угрожая избиением» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 12). Сообщалось также о столкновениях между казахами и переселенцами хутора Можаровского Аралтубинской волости, а также при станции Курайлы (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 22, 23, 28). Согласно официальным документам, отчаявшиеся казахи даже шли на «открытые вооруженные нападения на переселенцев» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 16, 90-98). Г. Чиркин отмечал, что «тревожное и враждебное отношение киргиз (казахов. – авт.) к ведущимся на вышеизложенных основаниях землеотводным работам обостряются в настоящее время более сознательным отношением киргиз к

своим преимущественным правам на занимаемую территорию и опасением, что и в будущем из земель, оставленных в их пользовании, снова повторятся изъятия» (Чиркин, 1907: 48).

Тем не менее эти и тому подобные многочисленные случаи сопротивления местного населения практически не возымели никакого влияния на намерения и практические действия имперских властей, направленных на бесповоротную и окончательную аграрную колонизацию путем насильственного захвата казахских земель. Колониальный режим в своих официальных планах и действиях дал ясно знать казахскому населению, что на этом пути он не остановится даже перед возможностью беспощадного применения в отношении «бунтующих» казахов и военной силы. Достаточно характерно в этом отношении следующее Циркулярное распоряжение Степного генерал-губернатора от 1 мая 1908 года, в котором особо оговаривалась необходимость предупреждения казахского населения о том, что «земельные изъятия из них для цели образования переселенческих участков производятся в установленном законе и правительственных распоряжениях порядке и по особому, мною утвержденному плану, а потому всякое противодействие производству указанных работ, а тем более соединенное с насилием по отношению к кому-либо из чинов партии мною (генерал-губернатором. – авт.) будет караться по всей строгости законов» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9000. Л. 650б.).

В полном соответствии с идеологией и практикой имперских властей на уровне регионов разрабатывались и специальные планы, включавшие перечень действий при проведении землеотводных и землеустроительных работ. К примеру, «План землеотводных работ в районах Тургайско-Уральском, Акмолинском, Семипалатинском» в 1908 году предусматривал ряд действий. В интересующем аспекте выделим последнюю часть данного «Плана...», содержание которой достаточно определенно характеризует изначальную заинтересованность властей в изъятии так называемых «излишков» земель в пользу казны и переселенцев: «... проложение проектных границ в натуре». Это последнее действие носило обязательный характер при отводе земель в районах казахского и старожилого землепользования в момент предъявления участка в натуре заинтересованными лицам и имело лишь формальное значение при отводе участка из свободных казенных пространств (ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 8527. ЛЛ. 67, 670б., Алимбай, Смагулов, 2020: 2771).

Изменение топонимики как направление и завершающий акт крестьянской колонизации. Колонизация обширных территорий Казахского края сопровождалась и коренным изменением веками сложившихся топонимов практически всех регионов Степного края. Речь идет о массовом переименовании традиционных топонимических обозначений разнохарактерных природных объектов территорий кочевников, а также и самих территорий русскими названиями. По нашему мнению, подобная массовая русификация сложившегося топонимического ландшафта представляет собой символическое присвоение территорий казахских скотоводов крестьянскими переселенцами, что происходило, как вытекает из источников, административно-насильственным путем (Государственная дума, 1906: 203, Государственная дума, 1907: 170, 171, 673-674, Фризен, 2017: 170-171, Алимбай и др., 2023: 17, 18, 20, 21). В этом смысле замена традиционной топонимики вне зависимости от воли местного населения, в сущности, является одним из направлений крестьянской колонизации казахских земель.

На самом деле массовая замена прежней топонимики на новую была рассчитана на искоренение одного из традиционных способов маркировки кочевниками границ общинно-родовой территории. Между тем в условиях кочевничества такой способ в своем культурно-антропологически выраженном качестве выступает одной из форм символического самовыражения этнического коллектива по поводу естественно-исторической принадлежности данной территории общине-социуму как корпоративному субъекту собственности на нее. Речь идет об одном из оригинальных способов территориальной самоидентификации номадов. Так что отмеченная выше насильственная замена переселенцами и властями местных традиционных топонимов на квазитопонимы идеологически, ментально и в известном смысле даже де-факто означает окончательную колонизацию крестьян на новых захваченных ими землях, находившихся прежде в активном хозяйственном обороте кочевников.

Здесь возможен следующий вопрос: почему вышеотмеченный факт насильственно-символического присвоения переселенцами хозяйственных территорий кочевников означает их окончательное укоренение на них? Дело в том, что обычно массовая замена вновь прибывшими поселенцами сложившихся веками прежних названий природных объектов – хоронимов, оронимов, гидронимов, агоронимов, микротопонимов и т. д., на новых территориях производится в качестве завершающего акта окончательного присвоения ими местностей как объектов своей хозяйственно-культурной деятельности. Этот факт достаточно удовлетворительно подтверждается вышеприведенными архивными и другими подобными сведениями (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20в. ЛЛ. 116-117 и др.).

В контексте изложенного следует отметить еще одно обстоятельство, которое вкупе с традиционной топонимикой во многом конкретизирует наши представления о механизмах территориальной самоидентификации казахов в историческом прошлом: «...с точки зрения кочевника мощным подтверждением изначальной природной принадлежности общинно-родовой

земли своему роду выступают следующие знаковые объекты-маркеры как естественного, так и антропогенного происхождения: а) сезонно используемые традиционные стоянки для поселения с прилегающими пастбищными угодьями и соответствующими водными ресурсами: в теплое время года – «жайлау» – летовка; осеннее пастбище – «кузеу»; «кыстау» – зимовка; «коктеу» – весеннее пастбище, а также б) соединяющие эти сегменты разветвленная сеть кочевых маршрутов и троп; в) родовое кладбище – обиталище могучих покровителей рода – духов-аруахов; г) традиционно почитаемые всеми членами рода ряд приметных природных объектов естественной среды обитания номадов – отдельные водные источники (озера, реки, родники и т.д.), некоторые горные, пересеченные и равнинные местности (в частности, горные пики, урочища, холмы и т.д., рощи), одиноко растущие деревья, особенно у родников. При этом действенность и устойчивость межпоколенно-коллективной (общинно-родовой) памяти о таких и других тому подобных природных объектах обеспечивалось целым циклом легенд, мифов, эпических произведений, а также соответствующим комплексом ритуально-обрядовых действий. Освященные и санкционированные традицией эти и другие знаковые маркеры-объекты вкуче с указанными жанровыми формами фольклорной традиции образуют своего рода идентификационное пространство членов рода-общины, прежде всего, пространство их территориальной идентичности. Семантика этих и других тому подобных знаков-маркеров, включая отмеченные фольклорные жанры, удовлетворительно объясняют мотивацию исключительной привязанности членов рода (по понятным причинам, прежде всего, их мужской части) к родовой территории» (Алимбай, 2020: 7).

К этой категории знаковых маркеров-объектов безусловно относятся и традиционный топонимический ландшафт общинно-родовых территорий, которые в своих взаимообусловленном и взаимозависимом единстве образуют мнемонический комплекс (или символический ресурс) этноса (Лотман, 1987: 3-11). И этот ландшафт вкуче с вышеотмеченными знаковыми маркерами-объектами, будучи предельно сакрализованным, выступал как символический показатель освоенности этих земель многими поколениями своих предков. В принципе отмеченный мнемонический комплекс, по крайней мере в условиях кочевничества, функционировал как механизм циклического воспроизводства коллективной памяти общины-рода об изначальной естественно-исторической принадлежности ему данной территории, непосредственно унаследованной «от великих основателей рода – своих предков» (Алимбай, 2020: 20). Напомним, что отмеченный факт унаследованности общинно-родовой территории, как и во всех доиндустриальных социумах, для здравствующего поколения кочевников выступает главным аргументом ее изначальной естественной принадлежности им (Алимбай, 2020: 20). «Кіндік қан тамған жер» (примерный смысл данной широко распространенной у казахов сентенции: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков») – говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразумевая изначальную природную принадлежность занимаемой им территории своему роду-общине» (Алимбай и др., 1998: 40-41, Алимбай, 2009: 324, Алимбай, 2010: 15, Алимбай, 2019: 112, Алимбай, 2020: 20 и др.).

Следует отметить, что заложенные крестьянами-переселенцами традиции насильственного переименования столь же насильственным путем занятых ими общинно-родовых территорий казахов восходят к первой половине XIX в. Они активизировались и в последующее время, вплоть до октябрьских событий 1917 г., уже во всех уголках Казахстана. Поскольку в рамках объема статьи невозможно привести если не все, то хотя бы основные данные, свидетельствующие о массовом характере изменения традиционной топонимики, приведем следующие достаточно характерные для всего Казахского края примеры. Как сообщают источники, только в 1875 году переименованиям подверглись волости некоторых уездов Акмолинской области, носивших первоначально казахские названия (отметим, что эти названия документально зафиксированы в весьма искаженном виде): в Омском уезде Баба-Багашевская волость («Аттагаевского рода») стала именоваться Омской, Джавар-Караульская (Жапар-Караульская) – Николаевской, Тюлеке-Кур-Софы-Киреевская – Покровской, Бактыбай-Маней-Киреевская (Кереевская) – Курганской и Кулатай-Канчиковская (Кулатай-Кыпчакская) – Черлаковской. В Петропавловском уезде Андагуль-Атагаевская получила название Петропавловской волости, Бабасановская – Таинчинской, Чагы-Бабасановская – Полуденной, Гиненделы-Киреевская – Становской, Сатый-Киреевская – Пресновской, Матыкан-Сывай-Киреевская – Пресногорьковской и Бейдалы-Бар-Якши-Уваковская – Кушмурунской (Остафьев, 1895: 32). В «Годовом отчете агрономического отдела Акмолинского переселенческого района за 1913 год» приведены казахские названия населенных участков, которым были даны русские наименования. В частности, в Петропавловском уезде: Кара-Чилик – Вяземский, Тутульбай – Манджурский, Кысгыч – Белозерский, Кожаберген – Моршанка, Шотмондай – Любинский, Терен-Сай – Носовский, Кенетбай – Черпаевский и т.д. В Кокчетавском уезде: Мандай – Трофимовский. В Акмолинском уезде: Куянды – Сарепта, Теректы – Переяславский, Джаксы-Коянды – Миновское, Мурзакан – Измайловское, Ащилы-Айдар – Новоузенское и др. В Атбасарском уезде: Айбас – Кустарный и т.д. (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20в. ЛЛ. 116-117).

Таким образом, искоренение традиционной местной топонимики означает попытку ослабления имперскими властями мобилизующей и идентифицирующей функций исторической памяти местного

населения, призванной обеспечить «связь времен и поколений» в кочевой среде. Выражаясь словами видного российского ученого А.В. Ремнева, эти факты трудно квалифицировать не иначе как «топонимический национализм» (Ремнев, 2010: 153-168). Сказано очень емко. На наш взгляд, требуется лишь небольшое уточнение: уместно было бы говорить в данном случае о топонимическом шовинизме со стороны имперских властей и переселенцев в отношении местного населения – казахов.

Последствия колонизации. Российские власти в отношении крестьянской колонизации казахских земель проводили двуличную политику. Дело в том, что в качестве одного из основных доводов для изъятия у казахов земель имперские власти из всех сил пытались обосновать отсталость и нежизнеспособность кочевого образа жизни казахов. Поэтому занятие казахского населения кочевым скотоводством как показателем его т.н. «культурной отсталости», с их точки зрения, должно уйти в историю. Радикально настроенные представители колониального режима, в том числе и ряд ученых-исследователей Казахского края, даже всерьез полагали, что казахи-кочевники неправомерно и необоснованно занимают столь обширную территорию. Для реализации имперски ориентированных установок на массовое заселение крестьянами хозяйственных территорий кочевников власти пользовались понятием «излишки земель» у местного населения, выработанным в процессе организации массового обследования казахских аулов экспедицией Ф.А. Щербины в течение 1896–1903 гг. Речь идет об использовании искусственно сконструированного понятия для идеологического и правового обоснования, а также об использовании инструмента практического осуществления массового изъятия этих самых «излишков земель» у казахов. Сущность этих официальных установок достаточно рельефно выразил министр земледелия А. Наумов в своем письменном обращении к губернаторам областей Степного края в самом разгаре I мировой войны. В нем он откровенно пытался обосновать необходимость передачи переселенцам «на льготных условиях» даже тех участков, которые властями прежде считались «непригодными под земледельческое хозяйство», но «удобны для скотоводства» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 190б.). На взгляд министра, отныне эти самые «излишки» должны послужить для занятия «недостаточно обеспеченными хозяевами» – русскими крестьянами – скотоводством (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Это означало, что при отводе переселенческих участков теперь должно быть обращено особо внимание на обеспечение переселенцев «пастбищами для расширения скотоводческого хозяйства» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Иными словами, в новых сложившихся условиях занятие скотоводством русскими крестьянами вовсе не является препятствием для отвода им земельных участков, прежде считавшихся самими властями для этого непригодными. Подобная насильственная по отношению к местному населению аграрная политика царизма привела к резкому сокращению пастбищных и сенокосных угодий скотоводов. В этом вынуждены были признаваться и сами чиновники Переселенческого управления. По их сообщениям, казахи «...владеют очень малым количеством земли – от 1 до 2-3 десятин – и очень слабо обеспечены рабочим скотом, имея часто всего 1-2 лошадей» (ЦГА РК. Ф. И-19. Оп.1. Д. 72. ЛЛ. 24-240б.). Отсюда следовала, с их точки зрения, историческая необходимость и необратимость седентаризации местного населения. На самом же деле власти вовсе не были заинтересованы в массовом переходе кочевников на оседлый образ жизни. Колониальный режим обоснованно опасался того, что, будучи оседлым, местное население само бы обрабатывало землю без какой-либо помощи переселенцев. И это создавало бы дополнительные препятствия на пути реализации переселенческой политики царизма в крае (Кузнецов, 2017: 158). При этом колониальные власти абсолютно не интересовала дальнейшая судьба лишенных земель кочевников.

Отметим, что в этом своем мнении А. Наумов не был одинок (Чиркин, 1907; Хворостанский, 1907 и др.). Он огласил официальную позицию российской короны в отношении аграрной колонизации в Степном крае, откровенно подтвердив насильственный и захватнический характер процесса изъятия земель у казахов – основополагающих естественно-исторических условий жизненного пространства у кочевников. Однако этому плану создания скотоводческого хозяйства русского крестьянства в Степном крае не суждено было сбыться. Причина – у переселенцев практически отсутствовал необходимый социально-экономический опыт эффективной организации жизнеобеспечивающей системы, направленной на рациональную эксплуатацию кормовых и водных ресурсов пастбищных угодий в столь суровых условиях Степного края.

5. Заключение

1896–1917 гг. представляют собой завершающий этап в истории крестьянской колонизации Казахского края. С точки зрения масштабности и результативности в обозначенном выше промежутке времени «крестьянизации» края выделяются две взаимосвязанных между собой стадии: первая охватывает 1896 – середину 1906 г., вторая, заключительная часть рассматриваемого этапа, начинается с июля 1906 г., то есть с момента прихода к власти П.А. Столыпина в качестве главы российского правительства, и завершается в канун октябрьских событий 1917 г. Правда, после преждевременной смерти П.А. Столыпина в 1911 г. темпы и масштабы этого процесса несколько снизились. Однако это событие не стало препятствием для уже далеко зашедшего в это время процесса массового заселения крестьянских семей практически во всех частях территории Казахстана. В канун октябрьских событий 1917 г. было изъято свыше 45 млн десятин плодородных

земель, находившихся в хозяйственном пользовании казахских скотоводов. Для кочевников это было чревато лишением основополагающих естественно-исторических условий. Тем самым был окончательно разрушен веками сложившийся ритм жизнедеятельности кочевого социума.

С точки зрения имперской идеологии, политики и практики колонизации национальных окраин, в том числе и Казахского края, представляется закономерным и то, что неотъемлемым направлением процесса массового заселения крестьянами хозяйственных территорий казахских скотоводов также является насильственная замена прежней топонимики на новую крестьянскую. Массовое утверждение таких квазитопонимов символизировало окончательное укоренение переселенцев на новых территориях.

Казахстан с его обширной территорией и богатыми природными ресурсами действительно представлял для империи огромный интерес не только в экономическом, но и в геополитическом отношении. Дело в том, что тогда в среде представителей военной и политической элиты России всерьез полагали, что территориально граничащий с Казахстаном демографически быстрорастущий на востоке Китай своим возможным проникновением в юго-восточные и восточные регионы Казахстана вполне может представлять «желтую угрозу» и для империи. Сказанное объясняет, почему массовое переселение крестьян на территорию края рассматривалось властями в качестве основного фактора реализации многоцелевого (военного, территориального, экономического и т.д.) геополитического проекта «Азиатская Россия».

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта АР 14872289 «Лингвокультурологическое исследование исторических топонимов северных и северо-восточных регионов Казахстана в контексте национальной государственности».

Литература

[Абселемов, 2019](#) – Абселемов С.А. Исследовательский опыт осмысления аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX вв.: историографический опыт // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019. С. 204–214.

[Абселемов, 2020](#) – Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 108–116.

[Аврех, 1991](#) – Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

[Алимбай и др., 1998](#) – Алимбай Н.А., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, 1998. 234 с.

[Алимбай, 2009](#) – Алимбай Н.А. Кочевая община казахов: проблемы этносоциологической реконструкции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Научный журнал. СПб., 2009. № 96. С. 317–326.

[Алимбай, 2010](#) – Алимбай Н.А. Проблемы этносоциологической реконструкции кочевой общины как организационной формы традиционных общественных отношений у казахов / *Казахи России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции*. В двух томах. Т. 2. Омск: ОмГУ, 2010. С. 7–20.

[Алимбай, 2019](#) – Алимбай Н.А. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Исторический ежегодник (труды ученых ИИиЭ)* / Гл. ред. З.Е. Кабульдинов. Алматы: Ер-Жәнібек, 2019. С. 99–116.

[Алимбай, 2020](#) – Алимбай Н. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Turkic Studies Journal*. 2020. Vol. 23. № 4. С. 7–26.

[Алимбай и др., 2023](#) – Алимбай Нурсан, Кабульдинов З.Е., Смагулов Б.К. Вопросы крестьянской колонизации Степного края в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.) // *Turkic Studies Journal*. 2023. № 3. С. 7–40.

[Галузо, 1965](#) – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.

[Государственная дума, 1906](#) – Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия 1-я. Т. 1. Заседания 1-18 (27 апреля – 30 мая 1906 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1906. 866 с.

[Государственная дума, 1907](#) – Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. Заседания 1-53 (20 февраля – 2 июня 1907 года). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907.

[Данилевский, 1991](#) – Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.

[История Казахской ССР..., 1949](#) – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) / 2-е изд., испр. и доп., 1949. Алма-Ата. Т. 1. 512 с.

- История Казахской ССР..., 1979** – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата: «Наука» КазССР., 1979. Т. III. 544 с.
- История Казахстана..., 1993** – История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата: Атамұра, 2000. Т. 3. 768 с.
- Кауфман, 1908** – *Кауфман А.А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 455 с.
- Кузнецов, 2017** – *Кузнецов Д.В.* Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в период проведения Столыпинской аграрной реформы (Часть 2) // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. 2017. № 2 (26). С. 153–163.
- Кузнецова, 2001** – *Кузнецова С.И.* Казахстанские ученые о положении русских в Казахстане // *Центральная Азия: десять лет независимости*. 2001. С. 115–126.
- Қазақ ССР тарихы..., 1949** – Қазақ ССР тарихы (ерте заманнан осы күнге дейін) / Өңделіп, толықтыр. 2-басылым. Алматы: АН КазССР, 1949. 528 с.
- Лотман, 1987** – *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // *Языки культуры и проблемы переводимости* / Отв. ред. Б.А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 3-11.
- Любавский, 1909** – *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читаемый в Московском университете в 1908–1909 гг. М.: Типо-Литография И.И. Любимова, 1909. 304 с.
- Масанов и др., 2001** – *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С.* История Казахстана. Народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 600 с.
- Остафьев, 1895** – *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *ЗЗСО ИРГО*. Омск: Типогр. окруж. штаба, 1895. 62 с.
- Переселение..., 1906** – Переселение в Степной край в 1906 г. (области Акмолинская и Семипалатинская). СПб.: Изд. Переселенч. упр-ния, 1906. Вып. XXVII. 61 с.
- Переселение..., 1911** – Переселение и землеустройство за Уралом (1906–1910 гг.). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911. 501 с.
- Петропавловский, 2007** – *Петропавловский Н.* Очерк землевладения // *Вопросы землепользования в казахской этнографии*. Астана: Алтын кітап, 2007. С. 36-55.
- Ремнёв, 2010** – *Ремнёв А.В.* Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary*. 44 spojżenia = Imperial Victims – Empires as Victims. 44 views / ed. A. Nowak. Warszawa, 2010. Pp. 153-168.
- Ремнев, Суворова, 2017** – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3-4. С. 150-191.
- Речь главноуправляющего..., 1907** – Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной Думы 5 декабря 1907 года // *Вопросы колонизации*. 1907. № 2. 418-425.
- Румянцев, 1910** – *Румянцев П.П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 66 с.
- Сафронов, 2011** – *Сафронов С.А.* Перевозка переселенцев в период Столыпинской аграрной реформы // *Вестник ТГУ*. 2011. Вып. 11 (103). С. 309-315.
- Седельников и др., 1903** – *Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д.* Исторические судьбу Киргизского края и его культурные успехи / *Россия: полное географическое описание нашего Отечества*. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1903. С. 139-200.
- Столыпин, 2021** – *Столыпин П.А.* «Нам нужна Великая России». Избранные статьи и речи. М.: РИПОЛклассик, 2021. 272 с.
- Суворова, 2017** – *Суворова Н.Г.* Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации Степного края (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 262–270.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 412 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.
- Сысоева, 2009** – *Сысоева Л.Н.* Оформление нормативно-правовой базы Столыпинской аграрной реформы // *Берегня.777. Сова*. 2009. № 1. С. 35-45.
- Тарасова, 2013** – *Тарасова Е.В.* Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. 4 (80) Т. 2. С. 203–206.
- Татарникова, Чуркин, 2020** – *Татарникова А.И., Чуркин М.К.* Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 1. С. 1-9.

Токмурзаев, 2015 – Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2015. № 1 (33). С. 5-9.

Токмурзаев, 2017 – Токмурзаев Б.С. Казачество как субъект аграрной колонизации Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 165-170.

Токмурзаев, 2019 – Токмурзаев Б.С. Колонизация Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 163-171.

Фризен, 2017 – Фризен Д.Я. Западный Казахстан и аграрная политика Российской империи // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. С. 167-172.

Хворостанский, 1907 – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 1. С. 53-104.

Хроника..., 1907 – Хроника переселенческого дела // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 222-303.

Чиркин, 1907 – Чиркин Г. Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 44-68.

Чуркин, 2016 – Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С. 158-163.

Чуркин, Абселемов, 2020 – Чуркин М.К., Абселемов С.А. Историография «национальной травмы»: аграрная колонизация Степного края в современных исследованиях Республики Казахстан // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 454. С. 173-181.

Шевченко, 2017 – Шевченко В.Н. К вопросу о переселенческой политике на первом этапе Столыпинской аграрной реформы (1906-1910 гг.) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2017. № 2. С. 162-171.

Щербина, 1902 – Щербина Ф.А. Исследования степных областей // *Труды Императорского вольного экономического общества*. СПб.: Типолитография М.П. Фроловой, 1902. С. 331-339.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay N., Orynbayeva G.U. Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 337-347.

Alimbay, Smagulov, 2020 – Alimbay N., Smagulov B.K. Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2765-2776.

Barandov, 1940 – Barandov G. Stolypindjk reaksia. Alma-Ata, 1940. 68 б.

References

Abselemov, 2019 – Abselemov, S.A. (2019). Issledovatel'skiy opyt osmysleniya agrarnoy kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv.: istoriograficheskiy opyt [Researchers' experience of understanding agrarian colonization of a Steppe region in the late XIX – early XX centuries: historiographic aspect]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Pp. 204-214. [in Russian]

Abselemov, 2020 – Abselemov, S.A. (2020). Sovremennaya rossyskaya istoriografiya kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Modern russian historiography of colonization of the steppe region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 452: 108-116. [in Russian]

Alimbay i dr., 1998 – Alimbay, N.A., Mukanov, M.S., Argynbayev, Kh. (1998). Traditsionnaya kultura zhizneobespecheniya kazakhov. Ocherki teorii i istorii [Traditional culture of life support of the Kazakhs. Essays on theory and history]. Almaty. 234 p. [in Russian]

Alimbay i dr., 2023 – Alimbay, N., Kabuldinov, Z.E., Smagulov, B.K. (2023). Voprosy krestyanskoj kolonizatsii Stepnogo kraja v Gosudarstvennoj dume Rossyskoj imperii (1906-1917 gg.) [Issues of peasant colonization of the Steppe region in the State Duma of the Russian Empire (1906-1917)]. *Turkic Studies Journal*. 3: 7-40. [in Russian]

Alimbay, 2009 – Alimbay, N.A. (2009). Kochevaya obshchina kazakhov: problemy etnosotsiologicheskoy rekonstruktsii [Nomadic community of Kazakhs: problems of ethnosociological reconstruction]. *Izvestiya Rossyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Nauchny zhurnal*. St. Petersburg. Pp. 317-326. [in Russian]

Alimbay, 2010 – Alimbay, N.A. (2010). Problemy etnosotsiologicheskoy rekonstruktsii kochevoy obshchiny kak organizatsionnoy formy traditsionnykh obshchestvennykh otnosheny u kazakhov [Problems of ethnosociological reconstruction of the nomadic community as an organizational form of traditional social relations among the Kazakhs]. *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V dvukh tomakh*. Omsk. Pp. 7-20. [in Russian]

Alimbay, 2019 – Alimbay, N.A. (2019). Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of “zhetiata” as a community-society (to the problem of the coincidence of

clan and community among Kazakh nomads)]. *Istorichesky ezhegodnik (trudy uchenykh IIIE)*. Gl. red. Z.E. Kabul'dinov. Almaty. Pp. 99-116. [in Russian]

Alimbay, 2020 – *Alimbay, N.* (2020). Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of the «zhetiata» as a community-society (to the problem of the coincidence of family and community among Kazakh nomads)]. *Turkic Studies Journal*. 23(4): 7-26. [in Russian]

Alimbay, Orynbayeva, 2019 – *Alimbay, N., Orynbayeva, G.U.* (2019). Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 51(1): 337-347.

Alimbay, Smagulov, 2020 – *Alimbay, N., Smagulov, B.K.* (2020). Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences. *Bylye Gody*. 58(4): 2765-2776.

Avrekh, 1991 – *Avrekh, A.Ya.* (1991). Stolypin i sudby reform v Rossii [Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow. 286 p. [in Russian]

Barandov, 1940 – *Barandov, G.* (1940). Stolypindjk reakcia [Stolypin reaction]. Alma-Ata. 68 p. [in Kazakh]

Chirkin, 1907 – *Chirkin, G.* (1907). Zemleustroystvo kirgiz v svyazi s kolonizatsiyey stepi [Land management of the Kyrgyz in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodichesky sbornik*. 2: 44-68. [in Russian]

Churkin, 2016 – *Churkin, M.K.* (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh v.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatelskiye praktiki [Colonization of the Steppe region of Western Siberia in the second half of the 20th – early 20th centuries: historiographic tradition and research practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406: 158-163. [in Russian]

Churkin, Abselemov, 2020 – *Churkin, M.K., Abselemov, S.A.* (2020). Istoriografiya «natsionalnoy travmy»: agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v sovremennykh issledovaniyakh Respubliki Kazakhstan [The Historiography of the “National Trauma”: The agricultural Colonization of the Steppe Region in the modern studies of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 454: 173-181. [in Russian]

Danilevsky, 1991 – *Danilevsky, N.Ya.* (1991). Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]. Sost., poslesloviye i komentarii S.A.Vaygacheva. Moscow, 574 p. [in Russian]

Frizen, 2017 – *Frizen, D.Ya.* (2017). Zapadnyy Kazakhstan i agrarnaya politika Rossyskoy imperii [Western Kazakhstan and the agrarian policy of the Russian Empire]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Pp. 167-172. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo, P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. 347 p. [in Russian]

Gosudarstvennaya дума, 1906 – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. 1906 god. Sessiya 1-ya. T. 1. Zasedaniya 1-18 (27 aprelya – 30 maya 1906 g.) [The State Duma. Verbatim reports, 1906 – State Duma. Verbatim reports. 1906 Session 1. Vol. 1. Sessions 1-18 (April 27 – May 30, 1906)]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. [in Russian]

Gosudarstvennaya дума, 1907 – Gosudarstvennaya дума. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Vtoroy sozyv. Zasedaniya 1-53 (20 fevralya – 2 iyunya 1907 goda) [The State Duma. Index to verbatim reports, 1907 – State Duma. Index to verbatim reports. Second convocation. Sessions 1-53 (February 20 – June 2, 1907)]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoy SSR..., 1949 – Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney) [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)] (1949). Alma-Ata. Part. 1. 512 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoy SSR..., 1979 – Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney dney). V pyati tomakh [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)] (1979). Alma-Ata: Nauka KazSSR. Part. III. 544 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 1993 – Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney (ocherk) [History of the Kazakhstan (from ancient times to the present day (essay))] (1993). Almaty: Daur. 416 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 2000 – Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney dney). V pyati tomakh. [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)]. Almaty: Atamura, 2000. Part. 3. 768 p. [in Russian]

Kaufman, 1908 – *Kaufman, A.A.* (1908). Russkaya obshchina v protsesse eye zarozhdeniya i rosta [The Russian community in the process of its origin and growth]. M.: Tipogr. T-va I.D. Sytina. 455 p. [in Russian]

Kazak SSR tarikhy..., 1949 – Kazak SSR tarikhy (erte zamannan osy kunge deyin) [History of Kazakhstan from ancient times to the present day]. Ændelip, tolyktyr. 2-basylym. Almaty: AN KazSSR, 1949. 528 p. [in Kazakh]

Khronika..., 1907 – Khronika pereselencheskogo dela [Chronicle of the resettlement case]. *Voprosy kolonizatsii*. 1907. 1: 222-303. [in Russian]

- Khvorostansky, 1907** – Khvorostansky, P. (1907). Kirgizsky vopros v svyazi s kolonizatsiyey stepi [The Kyrgyz question in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskyy sbornik*. 1: 53-104. [in Russian]
- Kuznetsov, 2017** – Kuznetsov, D.V. (2017). Kolonizatsionnaya i zemleustroitel'naya politika samoderzhaviya v Stepnom kraye v period provedeniya Stolypinskoy agrarnoy reformy (Chast 2) [The colonization and land management policy of the autocracy in the Steppe region during the period of the Stolypin agrarian reform (Part 2)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2(26): 153-163. [in Russian]
- Kuznetsova, 2001** – Kuznetsova, S.I. (2001). Kazakhstanskiye uchenye o polozhenii russkikh v Kazakhstane [Kazakh scientists about the situation of Russians in Kazakhstan]. *Tsentrálnaya Aziya: desyat let nezavisimosti*. Pp. 115-126. [in Russian]
- Lotman, 1987** – Lotman, Yu.M. (1987). Neskolko mysley o tipologii kultur [A few thoughts on the typology of cultures]. *Yazyki kultury i problemy perevodimosti*. Otv. red. B.A. Uspensky. Moscow. Pp. 3-11. [in Russian]
- Lyubavsky, 1909** – Lyubavsky, M.K. (1909). Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiyey. Kurs, chitayemy v Moskovskom universitete v 1908–1909 gg. [Historical geography of Russia in connection with colonization. Course taught at Moscow University in 1908–1909]. Moscow. 304 p. [in Russian]
- Masanov i dr., 2001** – Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B., Yerofeyeva, I.V., Alekseyenko, A.N., Baratova, G.S. (2001). Istoriya Kazakhstana. Narody i kultury [History of Kazakhstan. Peoples and cultures]. Almaty: Dayk-Press. 600 p. [in Russian]
- Ostafyev, 1895** – Ostafyev, V. (1895). Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic farming]. *ZZSO IRGO*. Omsk. 62 p. [in Russian]
- Pereseleniye..., 1906** – Pereseleniye v Stepnoy kray v 1906 g. (oblasti Akmolinskaya i Semipalatinskaya) [Resettlement to the Steppe Territory in 1906 (Akmola and Semipalatinsk regions)] (1906). St. Petersburg. Vyp. XXVII. 61 p. [in Russian]
- Pereseleniye..., 1911** – Pereseleniye i zemleustroystvo za Uralom (1906–1910 gg.) [Resettlement and land management beyond the Urals (1906–1910)]. St. Petersburg. 1911. 501 p. [in Russian]
- Petrovavlovsky, 2007** – Petrovavlovsky, N. (2007). Ocherk zemlevladieniya [Essay on land tenure]. *Voprosy zemlepolzovaniya v kazakhskoy etnografii*. Astana. Pp. 36-55. [in Russian]
- Rech glavnoupravlyayushchego..., 1907** – Rech glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliyem knyazya B.A. Vasilchikova v komissii Gosudarstvennoy Dumy 5 dekabrya 1907 goda (1907) [Speech of the chief manager of land management and agriculture, Prince B.A. Vasilchikov in the commission of the State Duma on December 5, 1907]. *Voprosy kolonizatsii*. 2: 418-425. [in Russian]
- Remnev, Suvorova, 2010** – Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2010). Upravlyaemaya kolonizatsiya i stikhnyne migratsionnye protsessy na aziatskikh okrainakh Rossyskoy imperii [Managed colonization and spontaneous migration processes on the Asian outskirts of the Russian Empire]. *Politiya*. 3–4: 150-191. [in Russian]
- Remnyov, 2010** – Remnyov, A.V. (2010). Imperiya rasshiraetsya na vostok: «toponimichesky natsionalizm» v simvolicheskom prostranstve Aziatskoy Rossii XIX – nachala XX veka [The Empire is expanding to the east: “toponymic nationalism” in the symbolic space of Asian Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary. 44 spojrzienia = Imperial Victims – Empires as Victims. 44 views*. Ed. A. Nowak. Warszawa. Pp. 153-168. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** – Rumyantsev, P.P. (1910) Kirgizsky narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people past and present]. St. Petersburg. 66 p. [in Russian]
- Safronov, 2011** – Safronov, S.A. (2011). Perevozka pereselentsev v period Stolypinskoy agrarnoy reformy [Transportation of immigrants during the period of the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik TGU*. 11(103): 309-315. [in Russian]
- Sedelnikov i dr., 1903** – Sedelnikov, A.N., Bukeykhanov, A.N., Chadov, S.D. (1903). Istoricheskiye sudbu Kirgizskogo kraja i ego kulturnye uspekhi [Historical fate of the Kyrgyz region and its cultural successes]. *Rossiya: polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva*. St. Petersburg. Pp. 139-200. [in Russian]
- Shcherbina, 1902** – Shcherbina, F.A. (1902). Issledovaniya stepnykh oblastey (1902) [Research of steppe regions]. *Trudy Imperatorskogo volnogo ekonomicheskogo obshchestva*. St. Petersburg. Pp. 331-339. [in Russian]
- Shevchenko, 2017** – Shevchenko, V.N. (2017). K voprosu o pereselencheskoy politike na pervom etape Stolypinskoy agrarnoy reformy (1906–1910 gg.) [On the issue of resettlement policy at the first stage of the Stolypin agrarian reform (1906–1910)]. *Sotsialno-ekonomicheskyy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 2: 162-171. [in Russian]
- Stolypin, 2021** – Stolypin, P.A. (2021). «Nam nuzhna Velikaya Rossii». Izbrannyye statyi i rechi [“We need a Greater Russia.” Selected articles and speeches]. M.: RIPOLklassik. 272 p. [in Russian]

[Suleymenov, 1963](#) – *Suleymenov, B.S.* (1963). Agrarny vopros v Kazakhstane posledney trety XIX – nachala XX v. [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the 19th – early 20th centuries]. Alma-Ata. 412 p. [in Russian]

[Suleymenov, Basin, 1981](#) – *Suleymenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX v. [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata. 247 p. [in Russian]

[Suvorova, 2017](#) – *Suvorova, N.G.* (2017). Dukhovnoye i svetskoye prosveshcheniye musulman-kochevnikov i novokreshchyonykh v kontekste kolonizatsii Stepnogo kraya (konets XIX – nachalo XX v.) [Spiritual and secular education of Muslim nomads and newly baptized people in the context of the colonization of the Steppe region (late 20th – early 20th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*. 3(15): 262-270. [in Russian]

[Sysoyeva, 2009](#) – *Sysoyeva, L.N.* (2009). Oformleniye normativno-pravovoy bazy Stolypinskoy agrarnoy reformy [Registration of the legal framework of the Stolypin agrarian reform]. *Bereginya. 777. Sova. 1*: 35-45. [in Russian]

[Tarasova, 2013](#) – *Tarasova, Ye.V.* (2013). Vliyaniye pereselencheskogo dvizheniya na zemelnye otnosheniya v Stepnom kraye i Turkestane v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of the resettlement movement on land relations in the Steppe region and Turkestan at the end of the 20th – beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. 4(80)*: 203-206. [in Russian]

[Tatarnikova, Churkin, 2020](#) – *Tatarnikova, A.I., Churkin, M.K.* (2020). Agrarnaya kolonizatsiya Zapadnoy Sibiri i Stepnogo kraya v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the 20th – early 20th centuries]. *Genesis:istoricheskiye issledovaniya. 1*: 1-9. [in Russian]

[Tokmurzayev, 2015](#) – *Tokmurzayev, B.S.* (2015). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v kontekste gosudarstvennoy pereselencheskoy politiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Agrarian colonization of the Steppe region in the frame of the state migration policy in the second half of XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 1(33)*: 5-9. [in Russian]

[Tokmurzayev, 2017](#) – *Tokmurzayev, B.S.* (2017). Kazachestvo kak subyekt agrarnoy kolonizatsii Stepnogo kraya (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Cossacks as the subject of agrarian colonization of the steppe territory (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 419*: 165-170. [in Russian]

[Tokmurzayev, 2019](#) – *Tokmurzayev, B.S.* (2019). Kolonizatsiya Stepnogo kraya v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh V. [Colonisation of the Steppe Krai in the socio-political discourse of the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 438*” 163-171. [in Russian].

[TsGA RK](#) – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Усиление крестьянской колонизации Казахского края в период столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.)

Нурсан Алимбайұлы Алимбай ^{a, *}, Анар Муратовна Фазылжанова ^b,
Болат Кудайбергенович Смагулов ^a, Кыздархан Курмашқызы Рысберген ^b

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

^b Институт языкознания имени Ахмета Байтурсынулы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуются масштабы и направленность крестьянской колонизации Казахстана, рассматриваемой авторами как главное направление Столыпинской аграрной политики в Казахском крае. Как свидетельствуют источники, более организованный характер и доселе невиданная масштабность крестьянской колонизации края в рассматриваемое время объясняется мощной государственной поддержкой, активно инициированной самим П.А. Столыпиным и лично контролируемой им на правительственном уровне. Даже преждевременная смерть П.А. Столыпина, произошедшая в 1911 г., не помешала реализации его планов по «крестьянизации» территорий казахских скотоводов вплоть до октябрьских событий 1917 г. Правда, темпы и география данного процесса в постстолыпинское время несколько снизились. Тем не менее поставленная имперскими

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: burgan555@gmail.com (Н.А. Алимбай), nar20@bk.ru (А.М. Фазылжанова), bolat_alemdar@mail.ru (Б.К. Смагулов), ms.rysbergen@mail.ru (К.К. Рысберген)

властями цель массового заселения крестьянских семей из различных регионов империи на территории Степного края практически была достигнута. Общая площадь изъятых у казахов земель к 1917 г. составила более 45 млн десятин. Данный промежуток времени авторами рассматривается как заключительная стадия завершающего этапа земельной колонизации края.

Ключевые слова: Казахский край, Степной край, Столыпинская аграрная реформа, крестьянская колонизация, государственная поддержка, география массового заселения крестьян, обратный «исход» крестьян, сопротивление местного населения, «топонимический шовинизм».